

7. Leonardi C. *La crisi della cristianità medievale il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola*// *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone.* – Firenze, 1999.
8. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo.* – Roma, 1965.
9. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri.* – Roma, 1971. – Vol. 2.
10. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi.* – Roma, 1957. – Vol. 1.
11. Брагина Л.М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV в. // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* – М., 2000. Вимари П. Джироламо Савонарола и его время: В 2 т. в 1 кн. /пер. с итал. Д. Н. Бережкова. Репринт. воспроизведение изд. 1913 г. – М., 1995. – Т.1.
12. Краснова И. А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* – М., 1997.
13. Кудрявцев О. Ф. Схоласты о собственности // *Средние века.* – М., 1990. – Вып. 53.
14. Ченти Т. С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. – М., 1998.

УДК 947[470.6]

Д. С. Ткаченко

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Статья рассматривает вопросы исследования Северо-Кавказских этнических групп с точки зрения реализации российских геополитических интересов в регионе российскими научными кругами и имперскими военными практиками.

Ключевые слова: военно-политическая история Северного Кавказа, историко-литературные описания, военная администрация, Академические экспедиции, картографирование.

D. S. Tkachenko

THE NORTH CAUCASUS ETHNIC GROUPS IN HISTORICAL NARRATIONS AND CARTOGRAPHICAL DESCRIPTIONS PERFORMED IN THE LAST DECADES OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES

The article focuses on the issues of the Caucasus ethnic groups' investigation by the Russian scientists and military authorities from the point of view of the Russian Empire's geopolitical interest realisation.

Key words: Military and Political History of the North Caucasus, historical narrations, the Military Authorities, Academics expeditions, cartography.

Северный Кавказ в XIX веке являлся одним из наиболее изученных регионов Российской Империи. С XVIII в. в регионе нарастало российское присутствие, в свя-

зи с чем военной и гражданской администрации необходимо было знать не только географию местности, но и все стороны жизненного уклада своих союзников и про-

тивников. Это стремление стало движущей силой в организации разносторонних исследований Кавказа.

Первые попытки узнать далекую южную окраину относятся еще к середине XVI в. – времени заключения вассально-дружественных договоров с кабардинскими и ногайскими князьями. Они, однако, не носили сколько-нибудь научный характер, ведь договоры не устанавливали прямой власть московского царя на территории присягнувших ему на верность народов, и сведения о землях новых союзников в Московском царстве были очень туманными. Показательно, что одна из карт начала XVII в. размещала Кабарду на Юго-восточном побережье Азовского моря, а «Пятигорье» в районе современного Маныча [6]. По справедливому замечанию современного американского исследователя Чарльза Кинга, создавая систему своей этнической классификации, русские исходили из прагматической идеи. В основу ее была положена лояльность местных народов к политике России. Московских стратегов со времен походов на Терек воевод Бутурлина и Плещеева волновали не столько реальные этнические, культурные и лингвистические корни местных народов, сколько то, выступит ли данная группа «туземцев» против русских или против Крымских татар, а позже – на чьей стороне будет местный владетель в очередной Русско-Турецкой войне. Для тех же, кто не принадлежал какому-то владетелю использовался аморфный термин «горец». «За рамками этого российская военная элита мало что знала» [2, р.101].

Подход к изучению Северного Кавказа принципиально не изменился вплоть до конца XVIII в. Даже знаменитый Азовский поход Петра I позволил уточнить только географию небольшого участка Северного Кавказа – района от Аграханского залива до Дербента. В это место высадились русские войска, а позднее была основана крепость Св. Крест. Карты остальной части Кавказа в петровские времена, изобилуют географическими ошибками. Например, северные иранские провинции представ-

лялись продолжением Кавказского побережья, а между Кабардой и Кахетией – в районе горы Казбек – изображена огромная долина вместо горного хребта [16]. Подобные ошибки ярко показывают уровень осведомленности в России о положении дел на Северном Кавказе.

Только с конца XVIII в., в связи с активизацией внешнеполитической деятельности на Южном направлении, начинается серьезное научное изучение Северного Кавказа. Основанная во второй половине XVIII в. Академия Наук начала организовывать экспедиции в регион. Они ставили перед собой задачи проведения обширных комплексных исследований. Благодаря деятельности академиков немецкого происхождения, в России уточняются не только географическое положение земель, но и описывается рельеф, исследуются полезные ископаемые и ресурсы. Так, по распоряжению Г.А. Потемкина, астраханским военным губернатором И. В. Якоби и полковником Генерального штаба Германом фон Ферзеном была обследована местность от Моздока в северо-западном направлении к Азовскому морю. Данные, собранные ими легли в основу знаменитого проекта создания Азово-Моздокской линии.

Однако официальные карты Кавказа, бывшие в это время в ходу в Российской империи, продолжали грешить неточностями. Характерной ошибкой было увеличение Каспийского и уменьшение Черноморского побережья Кавказа, незнание точной длины и конфигурации рек, из которых наиболее подробно была представлена лишь одна р. Волга [13]. Следует отметить, что данные ошибки в русской картографической традиции закрепились надолго и повторялись даже на многих картах, составленных после вхождения Предкавказья в состав России [11].

На момент создания Азово-Моздокской Линии недостаточная изученность региона привела к путанице в нумерации и расположении крепостей, часть из которых в последствие либо быстро утратила свое значение, была перенесена на другое место или вообще упразднена. Интересно отметить,

что в потемкинском проекте последней крепости (под № 10) в районе между Егорлыком и Манычем из всех фортификационных сооружений Линии придавалось наиболее важное, ключевое значение. Однако после детального изучения на практике характера местности между Кубанью, Кумой и Манычем эта крепость за ненадобностью вообще не была построена, а деньги, требовавшиеся на ее строительство, было решено израсходовать на возведение Константиногорского фортификационного сооружения в Пятигорье.

В целом, систематические исследования Северного Кавказа активизировались с конца XVIII в., когда реальная граница российского государства прошла по землям Предкавказья. Освоение Кавказа требовало не простого завоевания территорий, но и проведения особой культурной и национальной политики по отношению к проживавшим здесь народ. Необходимо было комплексное изучение народов, населявших регион. Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. оформилось «военно-разведывательное» направление описания территорий и племен Кавказа. Оно, практически не изменяясь, просуществовало всю первую половину XIX в. вплоть до завершения Кавказской войны.

Одним из первых о северокавказских этносах упоминал еще П. С. Потемкин-Кавказский, наместник и инициатор колонизации Предкавказья. Составленное Потемкиным «Краткое описание о кабардинских народах» получило значительное распространение в рукописном виде. Оно представляет собою разностороннюю характеристику кабардинского народа, в нем описаны формы правления, нравы, религия, обряды, пища, одежда. В сочинении впервые встречается сообщение об аталычестве. Ценность труда состоит в том, что Потемкин, живя длительное время на Кавказе, писал о том, с чем был знаком непосредственно.

Основанная в конце XVIII в. Академия Наук также занялась сбором сведений о Северном Кавказе. Экспедиции на рубеже XVIII–XIX вв., названные «академиче-

скими», проводились по специальной программе исследования малоизвестных, а то и вовсе неизвестных территорий иностранцами на российской службе.

Наибольшую известность получила экспедиция 1768–1773 гг. под общим руководством академика Петра-Симона Палласа. Отряды, входившие в ее состав, фактически действовали самостоятельно. 1-ю и 2-ю Астраханские экспедиции возглавили С. Г. Гмелин и И. А. Гильденштедт. Каждый из отрядов должен был исследовать природные богатства определенных территорий, дать оценку перспективам их экономического освоения. В пограничных регионах империи производилась политическая рекогносцировка, подразумевавшая упрочение позиций Российского государства. Инструкции, составленные Медицинской, Коммерции и Берг-коллегиями, Вольным экономическим обществом, предписывали руководителям экспедиций обращать пристальное внимание на условия для разработки месторождений полезных ископаемых, для развития земледелия, а в южных районах – и виноградарства, на перспективы торговли, качество воды в источниках, а также изучать целебные свойства минеральных источников и болезни местного населения. В дополнение к этому академическая инструкция предписывала углубляться в отдаленные уголки обследуемых районов и наблюдать там нравы местных жителей, их «светские и духовные обряды», записывать «древние повести» народов. Задачей Гильденштедта было так же установление контактов с местными правителями [2, р. 102].

Первоначально предполагалось обследование Кавказа в пределах Астраханской губернии того времени, что и было поручено И. А. Гильденштедту. Однако по предложению С. Г. Гмелина программа исследований была расширена, и работы распределились между двумя учеными: Гмелин отправился обследовать побережье Каспийского моря, Гильденштедт – Северный Кавказ и Грузию.

Судьба отрядов, вошедших в «академическую экспедицию», сложилась по-разному: экспедиция Гмелина бесследно исчезла

на Северо-Восточном Кавказе. И. А. Гильденштедт побывал в районе Кизляра, в Кабарде, Осетии, Грузии. Собранные им всевозможные сведения о народах, живущих близ Кавказской линии: черкесах, абзах, ногайских татарах, балкарцах и карачаевцах, а также замечания общего характера о кистинах, ингушах и осетинах легли в основу фундаментального труда «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.» [7]. Заслуга исследователя была многогранна. Несмотря на то, что не Гильденштедт придумал используемые им этнонимы: Кабарда, Дагестан, Осетия, «никто до него не догадался четко обозначить границы их земель и требовать величайшей точности в использовании географических названий» [2, р. 103].

Труд Гильденштедта был продуктом своей эпохи, отражая «страсть Просветителей к описательству» [2, р.103.]. Автор рассортировал этносы и их территории по логичным в условиях XVIII в. категориям, не задумываясь над объяснением самих принципов категоризации. Где-то он давал пространные описания, а в чем-то ограничивался лишь несколькими чертами, что в целом устраивало научные круги того времени. Он очень неаккуратен и непостоянен при использовании этнических терминов и особенно в их написании. В результате сильной стороной его работы стало деление Кавказа на географические зоны, описание их природы и условий, а слабой – описание морали и обычаев населявших их народов [2, р.103].

Вместе с тем исследователь не дожидаясь публикации своего труда, а после его смерти у Академии Наук на руках осталась лишь кипа выписок и плохо систематизированного материала. Позднее, Петр-Симон Паллас, обобщил, дополнил и исправил материалы Гильденштедта в труде «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», где привел дополнительные данные об адыгах, кабардинцах, абазинах, ногайцах, осетинах, ингушах, чеченцах и сванах. Однако к моменту издания этой работы, ситуация в приграничье радикально изменилась и территории, которые были только обозначены

Гильденштедтом как зона российских интересов, вошли в состав расширяющейся империи. Это стало основанием для организации нового исследования Кавказского приграничья.

В начале XIX века было совершено последнее, предпринятое Академией наук и порученное иностранцу путешествие в целях изучения Кавказа. В 1804 г. Генрих-Юлиус фон Клапрот был приглашен русской Академией наук и был командирован на Кавказ для историко-филологических и этнографических исследований. Кроме этнографических описаний, он должен был дать оценку того, какие народы могут управляться Россией, а кого «из-за их грубых нравов» или каких-то иных материальных соображений лучше оставить за рамками влияния Санкт-Петербурга. Заодно следовало обратить внимание на местных правителей не только с точки зрения того, кто будет полезен экспедиции, но и кто будет полезен интересам Российской политики [2, р.104]. Теперь Академия Наук составила для экспедиции четкие критерии описания приграничья: ее интересовали вопросы политики и практической деятельности, география и этнология и даже проверка сведений Античных авторов.

Клапрот был на Северном Кавказе дважды – в 1807 и 1808 гг. Выехав в сентябре 1807 г. из Петербурга, он в конце ноября был в Ставрополе и Георгиевске. После чего посетил район Пятигорья и развалины Маджара. В 1808 г. Клапрот посетил Кабарду, проехал вдоль Кавказской военной линии до устья Лабы, затем вернулся в Ставрополь, откуда по зимнему пути, через Черкасск, Воронеж, Тулу и Москву направился в Петербург, куда прибыл в январе 1809 г.

Имея научные познания в самых различных областях, Клапрот с успехом справился со стоящими перед ним на Кавказе сложными научными задачами. В частности, ему принадлежит заслуга подробного описания племенного состава населения Северного Кавказа, этнографии горских народов, их хозяйства, социально-политического строя, нравов и обычаев. Свое путешествие на Кавказе Клапрот описал

в обширном двухтомном труде, изданном в 1812 г. за границей на немецком языке (в Галле и Берлине), который практически сразу же был переведен на другие европейские языки [3]. При этом, по справедливой оценке Ч. Кинга, «Клапрот покинул Петербург как этнограф, заинтересованный в исследовании неведомых народов, а вернулся в него как стратег, обдумывающий пути их покорения» [2, р. 105].

Сведения, собранные академиками-иностранцами, носили больше научный, чем прикладной характер, и были больше известны не в России, а за рубежом иностранной общественности. Не удивительно, что уже в 1788 г., взяв за основу труды Гильденштедта, Паласса и «ряд заметок о Грузии», английский исследователь Джордж Эллис составил карту земель, «расположенных между Черным и Каспийским морями», снабдив ее обстоятельными комментариями [1]. Карта была составлена столь детально, что, кроме всех укреплений российской Азово-Моздокской линии, на ней были отмечены даже колодцы в ногайской степи. Карта содержала лишь одну грубую ошибку – искажала линию Черноморского побережья в районе Анапы и Суджук-Кале (Новороссийска). Академические экспедиции в силу особенностей социально-политического развития черкесских племен, находившихся в это время в состоянии постоянных межплеменных конфликтов, не могли затронуть Закубанье. Поэтому Гильденштедт, ехидно комментировавший, что если бы он даже в относительно спокойной Кабарде «не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то... наверняка стал бы мучеником естественной истории» [7, с. 39], не описал береговую линию. Английскому составителю карты пришлось воспользоваться искаженными сведениями почти тысячеклетней давности и взять за основу античных авторов – Страббона, Плиния и Птолемея [1, р. IV]. Несмотря на это, английская карта по своей точности намного превосходила существовавшие одновременные с ней российские образцы [14].

Ситуация с популяризацией знаний о Северном Кавказе изменилась в первой половине XIX в. Российские исследователи этого времени, принимавшие, по большей мере непосредственное участие в Кавказской войне оставили богатый литературный материал.

В 1803–1810 гг. по инициативе министерства иностранных дел российский исследователь С. М. Броневский составил фундаментальный труд «Новейшие известия о Кавказе», где привел не только географические и этнографические описания северокавказских народов, но и проследил историю их взаимоотношений с Российским государством. Перед С. М. Броневским стояли непростые задачи: прежде всего он должен был свести воедино все существовавшие в ту пору сведения о Кавказе, разбросанные по разным источникам, а также ознакомить чиновников царской администрации с историческим прошлым региона и положением дел в нем накануне первой русско-иранской войны [1804–1813]. Автор стремился показать успехи и неудачи политики Российского государства на Кавказе, объяснить причины проникновения России в этот край, рассказать о его природных богатствах и ресурсах, отметить своеобразие воспитания горцев, а также уклада их жизни. В 20-е гг. XIX в. труд С. М. Броневского был не только опубликован, но и лег в основу составления детальной этнической карты Северного Кавказа [12]. Карта точно локализовала этнические территории проживания северокавказских народов, отмечала города и станицы и была составлена довольно скрупулезно. Ее составитель не позволял себе делать отступления от текста С. М. Броневского, и если в нем не содержались необходимые для картографирования сведения, честно писал: «Земля безымянная» [12].

Однако белых пятен на карте Кавказа оставалось еще очень много. Недостаток в знаниях о конфигурации Черноморской береговой линии – так называемого «черкесского берега» – обусловили в первой половине XIX в. поиски в этом направлении.

Летом 1818 г. находившийся на службе у Российского правительства французский исследователь Тебу де Мариньи на шхуне «Черкес» совершил разведывательную экспедицию от Севастополя до Геленджика; этнографические, географические и историко-культурные сведения, собранные им во время экспедиции, были тщательно систематизированы и опубликованы [18]. Несмотря на чисто военные цели своей разведывательной акции, являясь ярким противником эскалации военных действий в Закубанье, Мариньи писал: «Какие плоды можно получить от войны против этих воинственных народов в неизведанной стране, к которой трудно подступиться, которая полна ущелий и бесчисленных лесов, жителям которых нечего терять?» [18, с. 77].

Идея создать береговую линию укреплений вдоль Черного моря, высказанная императором Николаем I, активизировали в 30-е гг. XIX в. военно-разведывательное изучение побережья. Этим вопросом теперь, в отличие от академиков XVIII в., занялись военные. Наиболее известный и яркий труд проделал офицер кавказского корпуса Ф. Ф. Торнау. В 30-е гг. он по заданию Генштаба провел секретную разведывательную миссию среди закубанских горцев – под видом горца, выдавая себя за чеченца Гасана, пробрался за Линию из Абхазии на Черноморское побережье для сбора сведений о Северо-Западном Кавказе. Торнау совершил 2 экспедиции, о которых стало известно даже в Турции, но во время последней попал в плен к «беглым кабардинцам» и стал прообразом знаменитых «кавказских пленников». Бежав из плена, он опубликовал свои наблюдения не только в официальном отчете, но и в целой серии записок, которые давали яркое представление о жизненном укладе и быте кавказских народов, методах ведения войны [17].

Кроме исследователей-практиков в первой половине XIX в. появились и обобщающие кавказоведческие труды. Наибольшую известность имела работа, проделанная в 1834 г. И. Бларамбергом, ставшая основой его труда – «Историческое, топографи-

ческое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» [4]. Будучи офицером генштаба И. находился в Тифлисе при командующем армией и имел доступ к описаниям и этнографическим материалам, составленным до него. Он совершил ряд экспедиций в Ставрополь, Пятигорье и на их основе составил энциклопедический труд. И. Бларамберг проделал огромную этнолингвистическую работу и создал одну из первых классификаций северокавказских народов, которая до сих пор представляет для ученых определенный интерес. Современники-военные засекретили его труд, который использовался в военных целях.

На основе полученных в первой половине XIX в. данных Генеральным штабом были составлены первые детальные карты Северного Кавказа.

Военные топографы, следуя со своими армейскими частями в экспедициях, составили большое количество точных карт – сначала маршрутов, пройденных войсками по разным направлениям. Эти карты, несущие на себе исключительно военное содержание – измерение в днях пройденного военной частью пути, по ширине охвата местности не могли быть более нескольких верст, становились, при всей своей ограниченности, тем не менее, первыми точными путеводными нитями на практически неизвестной кавказской «Terra Incognita», начавшейся для русских сразу за границей Кавказской области. Маршрутные карты, содержащие, кроме рельефа местности, еще и сведения о горских обществах и аулах, со временем становились материалом для обобщений. Знания постепенно накапливались, и схемы маршрутов из примитивных описаний все больше превращались в географическую карту региона, которая могла быть очень детальной [8]. На основе подобных маршрутных карт генеральный штаб проделал основательную топографическую работу. Так, например, в 1836 г. корпусный топограф поручик Колоколов составил обзорную «Карту Российских владений за Кавказом», а позднее военно-исторический отдел Кавказской ар-

мии составили «Военно-историческую карту восточного Кавказа» [5].

Для своих же внутренних нужд Кавказский корпус имел достаточно сведений, чтобы в 30–40 гг. XIX в. составить детальную контурную карту Северокавказских земель [15], на которую по мере необходи-

мости наносились этнографические, социально-экономические или чисто военные данные [10].

Со временем собранные военными сведения и составленные ими карты становились доступны и для гражданского населения Кавказа.

Литература

1. Ellis G. *Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian*. – London, 1788.
2. King Charles. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus*. – NewYork, 2008.
3. *Travelers in the Caucasus and Georgia Performed in the Years 1807 and 1809 by Commands of the Russian Government by Julius von Klaproth*. – London, 1814.
4. Бларамберг И. *Кавказская рукопись*. – Ставрополь, 1992.
5. Военно-историческая карта Восточного Кавказа, составленная военно-историческим отделом // Исторический очерк кавказо-горской войны в Чечне и Дагестане / Сост. редактор военно-исторического отдела, подполковник С. Эсадзе. – Тифлис, 1909.
6. Герритс Г. Карта России Гесселя Герритса с планом Москвы. 1613г.
7. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002.
8. Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб., 1864. Карта к описанию военных действий Даховского отряда.
9. Карта движения главного действующего отряда в 1845 г. от крепости Внезапной к Герзель-аулу // Кавказский сборник. Т.VI. – Тифлис, 1882.
10. Карта Кавказского Края, составлена при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. – Тифлис, 1842.
11. Карта Кавказского Наместничества и земли Донских и Черноморских казаков // Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796 г. – СПб., 1796.
12. Максимович Г.Д. Карта Кавказских земель и части Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб., 1823.
13. Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и остальную часть Волги с ее устьем // Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями. – СПб., 1745.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.192. Оп.1. Д.30. (Положение мест между Черным и Каспийскими морями, представляющее Кубань и горские земли, а так же часть реки Волги с ее устьем).
15. РГАДА. Ф.192. Оп.1. Д.60. (Карта Кавказского края с приграничными землями, составлена при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 г.).
16. РГАДА. Ф.192. Оп.1. Д.26. (Западный берег Каспийского моря с прилежащими странами, как то Большая и Малая Кабарда, Кахетия, Грузия, Армения).
17. Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. – М., 2008; Он же. – Воспоминания русского офицера. – М., 2002.
18. Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. – Нальчик, 2001.